

Эдгар Алан По
Падение дома Эшер

Перевод К. Бальмонта
По Э. А. Лирика.
Мн.: Харвест, 1999.
ISBN 985-433-680-8.
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Son coeur est un luth suspendu:
Sitot qu'on le touch, il resonance.

Его сердце - воздушная лютня,
Прикоснись - и она зазвучит.
Beranger

В продолжение целого дня, тусклого и беззвучного дня мрачной осени, под небом, обремененным низкими облаками, один, я проезжал верхом по странно-печальной равнине, и наконец, когда уже надвинулись вечерние тени, передо мной предстал угрюмый дом Эшер. Не знаю почему, но лишь только взглянул я на здание, чувство нестерпимой тоски охватило меня. Я говорю - нестерпимой, потому что она отнюдь не была смягчена тем поэтическим, почти сладостным, ощущением, которое обыкновенно испытываешь даже перед самыми суровыми, перед самыми пустынными картинами природы. Я смотрел на сцену, открывшуюся моим взорам, на дом, выделявшийся из самого обыкновенного ландшафта, на зябнувшие стены, на окна, подобные глазным впадинам, на разъединенные кусты густой осоки, на отдельные стволы седых обветшавших деревьев, и душа моя была подавлена унынием, которое я не сравню ни с чем, разве только с пробуждением от пиршественного сна, навеянного опиумом, - с этим горестным и внезапным возвратом к ежедневной жизни, с ненавистным зрелищем, которое вырастает из-за поднимающейся завесы. Сердце замерло, сжалось холодной болью, и фантазия, бессильная осветить мысль, не могла обратить ни к чему возвышенному непобедимую печаль. Что же это? - я остановился в раздумье, - что же это неизвестное, что надрывает мою душу при виде дома Эшер? Это было тайной неразрешимой; я не мог разобраться в тех смутных фантастических грезах, которые зародились в моем уме, пока я размышлял. Поневоле я должен был удовлетвориться тем скудным заключением, что есть несомненно известные сочетания самых простых, естественных предметов, имеющие власть действовать на нас именно таким образом, и что анализ этих сочинений связан с догадками, которые теряются в глубине, для нас недоступной. Весьма возможно, размышлял я, что было бы достаточно одного перемещения особенностей этой сцены, деталей картины, для того чтобы изменить или даже совсем уничтожить ее способность производить такое скорбное впечатление, и, согласно с этой мыслью, я направил лошадь к обрывистому берегу черного мрачного пруда, недвижно лоснившегося перед зданием, и посмотрел вниз; но трепет еще более настойчивый охватил меня, когда я глянул на измененные опрокинутые отражения седой осоки и призрачных деревьев, и пустых окон, подобных глазным впадинам.

И однако в этом-то обиталище печали я предполагал теперь пробыть несколько недель. Его владелец, Родриг Эшер, был одним из хороших товарищей моего детства; но много лет прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз. Несмотря на это, недавно, находясь в отдаленном уголке страны, я получил письмо, письмо от него, полубезумное и такое тягостное, что оно допускало только одну форму ответа - личный приезд. Каждая строка дышала нервным возбуждением. Эшер писал об острых физических страданиях, о душевном расстройстве, которое угнетало его, и о глубоком желании видеть меня, как его лучшего, его единственного друга, о надежде, что радостное удовольствие быть вместе со мной может несколько облегчить его болезненные муки. Так писал он, в таком тоне было сказано еще многое другое, - это сердце открывалось и просило ответа, я не мог ни минуты колебаться и отправился на призыв, который все же казался мне самым необычным.

Хотя в детские годы мы были закадычными друзьями, я почти ничего не знал о моем друге. Он всегда был очень сдержан. Мне было известно, однако, что его род, весьма древний, с незапамятных времен отличался особенной впечатлительностью темперамента, проявившейся, через целые поколения, в